

Судьба

Десять лет лагерей, три побега, четыре судимости - такова судьба томички Таисии Дмитриевны Смирновой. Она же - Заплюшкина Таисия Дмитриевна, Николаева Татьяна Прокопьевна, Смирнова Татьяна Прокопьевна. Первая тюрьма - в 14 лет. А срок - как бы это сравнить с сегодняшним днем - за то, что торговала «Пелси», «Сникерсом» и «Мальборо».

В жизни Таисии Дмитриевны столько неожиданных эпизодов, что вряд ли о них уместно рассказывать автору. Пусть сама она повествует о своей судьбе.

рилась, чтоб меня так представили. И вот, когда в порт вошли, заключенные затеяли разговор про игру в футбол с пограничниками. Устроили потоповку. Когда прогнали, спросили фамилию. «Чугунов Василий Иванович», - ответила я. На пере такую же возню организовали. И вот я на пароходе. А прежде я спросила у мужиков: «Со мной ничего не будет? Знаю, по десять лет бабы не видели. Меня заверили: «Ничего не случится».

Надо сказать, что я большим авторитетом в лагере пользовалась. Знала, если бы чуть слабину дала, по рукам бы пошла. А там бы и опустелась и не поднялась. Ломали крепко. Что ни слово против - карцер. И еще один грех был у меня: в карты играла. И выигрывала. Деньг, конечно, не было. Но со мной считались. Может, потому и не

больницу. Там, слава богу, все обожилось. Я вернулась к этой женщине и еще с полмесяца у нее жила.

А потом поехала в Новосибирск к свекрови. И тут приехала мама. Я ей говорю: «Мама, не могу больше жить в страхе. Поеду в Москву правду искать».

Собрала Соньку - и в дорогу. Ей и месяца не было. А деньги за декрет я праберегла. Приехала в Москву. Думаю, надо в Верховный Совет попасть. Шверник тогда был. В десять часов открывал приемную. Первым пришел инвалид на костылях, потом старуха, потом я. Заведующая канцелярией спрашивает: «По какому вопросу?». «По личному». «По личному Николай Михайлович не принимает. Обратитесь в Главное управление милиции». Я думаю: «Опять милиция! Мне конец». И пишу

183 31/14 84

Человек ниоткуда

или бедно. Отец - дворник, мать выдавала пальто на вешалке в Доме Красной Армии. Кроме меня - две сестры. Хулиганистая была, веревочку любила, одна-ко и с голоду помирать ни себе, ни семье не давала. Возле деревянного моста водочка была, я ведро там воды в чайник - и к рукам кинотеатру «Ударник», что возле бывшего обласполкома располагалась. Там в жаркую пору в торговала стаканами: стакан воды - за 20 копеек, а на рубль - за 200. Тут же приторговывала досыта. Тут же приторговывала папиросами. «Кальян» и «Пупка» тогда были в моде. «Кальян» поштучно продавала, хорошо шла. За эту свою коммерцию и поплатилась.

Пришли за мной прямо в школу. Училась я в 6-м классе, и было это в 1936 году. «Собирайся и распяшись». Распясалась. Отсюда - прямо в уголовный розыск, рядом с ЦУМом тогда располагалась. Дала мне 3 года, как «социально вредному элементу». Полежав месяц, перевели в барак по соседству, к репрессированным. А оттуда - в Новосибирск, и судили уже там как социально опасный элемент». Перед войной освободили.

Но тут со мной грех случился. Сватался ко мне один лейтенант. А соседка Шура возьми да и скажи ему: «На ком жениться собралась? Она же голая, босая и торемница к тому же...». Я сильно осерчала. Когда Шура ушло было дома, взяла ее вещи, утащила к речке и утопила. «Я голая и босая, и ты такая будешь». Меня посадили на 5 лет. А уже в лагере дали статью 58-14 - «контрреволюционный саботаж». Бежала. Поймали и сослали на Восток, в Находку. Бежала и оттуда. Меня нашли, привезли обратно. Дали второй срок по той же статье 58-14 и отправили на 10 лет на Колыму.

М ут лагерная жизнь разные встречи мне уготовила. Посадили меня в изолятор. Думала, что я - каторжанка. И вот как-то вывели меня в коридор, а мимо идет такая солидная, бегло красавица женщина: волосы курчавые, распущены, ступни, в хромовых сапогах. И возьми и затронь меня: «За что сидишь? Я нагубила ей. А она: «15 суток карцера». Я тогда уже репиди-висткой считалась, много судимостей было. Но из карцера выпустили, том как-то узнали, что я не каторжанка.

Выпустить-то выпустили, а я и начинаю не идти. Нарядчик меня за руку и прямо в кабинет. «Прощу, мадам...». И тут она мне: «В кабинете ты и сидишь». А МАДАМ? Грозилась, что меня Николаева, из-за Николаева. И она меня: «И ты сидишь». И она меня: «И ты сидишь». И она меня: «И ты сидишь». И она меня: «И ты сидишь».

трагали.

Не выношу несправедливости. И слабую защищала. Однажды слышу девочку плачет. «В чем дело?». «Манька «Москва» приехала, сказала, чтоб я ей свой паек отдала и суи погуще наливаю». «Вот что, - сказала я ей тогда строго, - если ты черпачком по голове этой Маньке не дашь, я сама тебя тем черпачком отгрею». Подействовало. И девочка сумела постоять за себя.

Так вот, пародок наш «Джурма» никак не мог отплыть от берега. Поднялся шторм. И «посудина» то отплывет, то причалит вновь. А когда прибыли во Владивосток, я поняла: мне надо отрываться. Села на «Нятисот-весельи», так назывались составы из телечных вагонов, и вперед. На какой-то станции вышла, чтоб пересест, и меня засекли.

- Смотрите, баба. Откуда?
- Освободилась.
- Документы.
- Какие документы, в дороге укради...

Добралась до Томска, пришла домой. А я уже во всевозможном розыске числюсь. Правда, в лагере не знала, что я на пароходе сбежала.

В конце концов я оказалась в Новосибирске и вышла замуж. И была я уже Смирнова Татьяна Прокопьевна.

У все бы ничего, да надо мне уходить в декрет, а меня все не отпускают. Замены нет. А когда нашла, мне уже рожают вора.

И вот однажды в Томске на тапках подхватил к моей сестре человек и спрашивает: «Где вы все Тася?». «На Колыме». «КГБ вас знает и ее все равно возьмут». Сестра поехала на почту и только одно слово в телеграмме: «Уезжай!» И так нигугалась, что я чем была, в том и ушла. Думала, четыре-пять километров как-нибудь пройду до ближайшей деревни, а там видно будет. Но, конечно, от испуга у меня началась рвота. Шуровина никак не выключала, а ее перебрала зубами. Так и шла и рвотала. А потом мне с километр шла. Полные сутки в крови. Постучала в первую квартиру. «Малая, помоги. Муж и вдова из дому ушли. Вот и вдова, из дому ушла. Вот и вдова, из дому ушла. Вот и вдова, из дому ушла».

заявку: «Председателю Верховного Совета. Прощу принять меня на личный прием, так как пришла повинной головой. Имею 10 лет срока. На руках грудной ребенок. Бежала с Колымой». Заведующая со снимет очки, то наденет. Наконец говорит: «Подожмите минуточку». И подходит ко мне милиционер: «Поехала». Ну что ж, прыгать-то не буду. Но меня отпускают. Потом выяснилось, что в здании Верховного Совета никто не имеет права арестовывать. Куда дальше? На вокзал. Покормила дочку и думаю: «Надо к генеральному прокурору». Добралась в прокуратуру.

- По какому вопросу?
- По личному.
- По личному генеральный прокурор не принимает.

Куда теперь? В МВД.

- По какому вопросу?
- По личному.

Приходит человек в погонах. Слушает. Я все ему рассказываю, как есть, без утайки. И Соньку не отпускаю ни на минуту. А в заключение заявляю: «Я теперь из Москвы не уеду, пока не пойду правды».

Он говорит: «Минуточку», - и вызывает охрану. И везут меня в Бутырку. По Бутырке слух - сама приехала, с повинной. Вызови меня на допросы, я все рассказываю. А сама думаю: «Надо письмо Сталину написать». Дюк надирательнице 100 рублей: «Тети Шура, опусти письмо». И она опускает.

П ропло 3 месяца. Вызывают в суд. Я опять все рассказываю. Защища так себя, на себя надеяться надо. Делит последнее слово. Я прощу об одном, чтобы ребенка со мной оставили, хотя бы до шести лет, а по закону полагалось только до двух. Суд удалялся на совещание. И вот уже вечер, а результаты никакого. Визу: начальники тюрьмы в суд прошли, о чем-то говорят.

Меня опять в камеру. В 12 часов ночи будят: «Ребенка оставь, собирайся. Я вся побегала: «Без ребенка не пойду». На выходе - машина «Победа». Садят меня в нее и на Лубянку-2. «Тебе выехала большая честь попасть к министру внутренних дел генерал-полковнику Крутому. Веди себя получше».

Приехали. Зашли в кабинет.

Сидят министр и его заместитель (позже узнала по фамилии Серов. Я спрашиваю: «Можно ребенка на диван положить?». «Пожалуйста», - встали и подошел к дивану генерал.

Ну, значит государственным деятелем ваша дочь будет, коль в таком возрасте в правительство попала.

Тут звонок: «К третьему подъезду подошла машина ответственного работника ЦК».

Пропустить.

И снова начался долгий разговор.

«Как вы относитесь к Советской власти?». «А при чем тут Советская власть? Если бы знала бы душу каждого заключенного, то столько бы законов не было».

«Молодец, язык правильно подвешен». «Что же ты ждешь от суда?». «10 лет отсидки. Только если бы была осуждена не по политической статье, я бы

уже освободилась». - «Хорошо, мы подумаем, как решить ваш вопрос».

А меня - снова в Бутырку. Проходит день, два, начальник мне и говорит: «Защитилась бы за следователем, я бы поинтересовался. Но не могу же министру звонить».

Наконец меня вызвали. Я ни жива, ни мертва.

- Поздравляю вас, товарищ, - говорит начальник тюрьмы. - Вы свободны. Чем помочь?

- Мне ничего не надо, только дайте пеленок на дорогу.

Привезли меня на вокзал и посадили в поезд.

М ак закончилась моя московская эпопея. Но связи моя не прервалась. Знаете, что самое тяжелое для заключенного? Оказаться на свободе под подозрением. И потом не раз спрашивала - в тюрьме лучше, там все равны. Мне всегда везло на хороших людей. В коллективах, где я работала, мне доверяли. Но милиция держала «на мушке». Сразу после того, как я приехала из Москвы и устроилась на завод резной обуви, где мне дали угол, затояли с проверками. То паспорт покажи, то как поживаешь. А мне не до них, я полгода в ночь работала, чтоб днем с дочкой быть. Тяжеленные катки резные катали, на 32 кг похудела и кровью начала харкать - впрочем, это уже другая страничка биографии. И в это время меня вызывают в районное отделение милиции. «Тебе Советская власть много дала, ты должна нам помочь!». Я сажусь и пишу письмо Серову: «Так, мол, и так, спасибо, что выручили. Но сложивший меня к пособничеству». После этого в милиции звания и отстали. Много лет спустя мы, будучи с Соней в Москве, у Серова в гостях побывали.

И у Сергея Сергеевича Смирнова - писателя - была. Я уехала по радио отрывки из его книжки, на писала ему. А он отвечает: «Будете в Москве, заходите». И я, когда такой случай представился, взяла две бутылки коньяка и к нему: «У вас, чадонов, так. Со своим полагается». Он нам с Соней свою коньяку подарил: как - никак и он, и мы - Смирновы.

А о думаете, безоблачно в дальнейшем моя жизнь протекала? Ничего подо

бного. Работала я в торговле. Сначала в столовой, затем заводской складом. Я про себя знала, что к моему рукам чужое не придет. Никогда не брака и другим не давала. И тут выходит постановление: тем, кто имел раньше срок, в торговле работать не полагается. Президент делал из министерства, некий Костиков. Меня надо освободить от работы. Я пишу письмо в газету «Известия».

«Если действительно так плохо, я из торговли уйду и добротную хоть на стройке, во что угодно». А Костикову заявляла: «Если я добьюсь права на свободу, то на труд уйдю добровольно».

Через некоторое время приезжает ко мне Е. Д. Розанова, корреспондент «Известий», и в «Известиях» появляется большая статья в мою защиту. Оказывается, перепутал все Костиков, представил меня расфуфыренной дамочкой в дорожной дожде, купавшей на явном ворованном деньги. Елена Дмитриевна тогда долго расспрашивала меня про эту доху.

А и, когда за писанию вышла, тавочка писанию, да не вытираю, провалять. Это чтоб Советской помочь. Она вышла замуж рано и в хорошую семью пошла. Я в тогда будущему ее мужу все про себя рассказала, чтобы недоговоренности не было. А она, когда уже двоих родила и дети подростки, кандидатскую затеяла защищать. Я и влезала за тот промисль. Все же в аспирантуре денег небыло. Она, когда защитилась, мне сказала: «Мама, половина кандидатской - твою». «А как же, - согласилась я, - вся техническая часть - моя». И другим детям помогла. Мы живем с дедом 25 лет - у меня Соня, а у него трое осталось. Я тогда сказала: «Мамой меня не зовите. Если заслужу, вы меня и как тетю Тасю уважать будете». У нас хорошие отношения с детьми сложились.

Ну а постановление о реабилитации, вот их два, не знаю, как к ям и отнеслись...

У поминание об этой истории я слышала малюком не однажды. Как-то случайно поделалась ею и Софья Леонидовна Катаушкина, дочь Таисии Дмитриевны Смирновой. Так появилось желание встретиться с этой незаурядной женщиной.

Конечно, ее судьба достойна большого полноты. Это судьба целого поколения. И, возможно, когда-нибудь получат литературное оформление три толстые тетради, исписанные малюком почерком, тем более что все в них без прикрас.

А мне бы хотелось остановиться на одной детали. Помните, генерал-полковник МВД прочел совсем юной Софье государственное будущее? В какой-то степени это так и случилось. Софья Леонидовна была депутатом областного Совета, работала в его аппарате, и в состав баллотировалась, и в состав областной Думы. Я готовила этот материал накануне выборов, и он мог бы ей помочь в борьбе за голоса. Но любящая дочь своей любящей матери ответила на это достойно: «Не все на продажу». Я это оценила.

Нина ГУБСКАЯ.
Фото Евгения ЛИСИЦЫНА.